

«Не хлебом единым»: роль кустарных промыслов в восстановлении экономики Сибири в 1920-е годы

А.А. НИКОЛАЕВ, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН,
Новосибирск. E-mail: agronicol@gmail.com

В статье раскрывается негативное влияние Первой мировой и Гражданской войн на состояние мелкой и кустарно-ремесленной промышленности в Сибири, оценивается роль этой отрасли в восстановлении экономики в нэповский период. Доказывается, что методы прямого государственного регулирования мелкой частной и кооперативной промышленности не способствовали пробуждению деловой активности и деформировали ход кооперативного строительства. Национализация мелких предприятий, нацеленная на ликвидацию частной собственности, не сопровождалась повышением экономической отдачи. Разработка и реализация прагматичного курса на использование кустарной промышленности для насыщения товарного рынка тормозились рудиментами идеологии и методов управления военного коммунизма. Применительно к кустарной промышленности и промысловой кооперации они сохранялись вплоть до 1924 г. Только после введения в начале 1925 г. благоприятного налогового климата и выстраивания адекватной системы управления удалось достичь высокого социально-экономического эффекта, в сжатые сроки обеспечить резкий рост производства товаров и уровня занятости населения. В 1926–1927 гг. мелкая и кустарно-ремесленная промышленность в Сибири стала производить более половины валовой промышленной продукции и перерабатывать две трети сельскохозяйственного и треть промышленного сырья. Но в дальнейшем, несмотря на абсолютный рост, значение кустарно-ремесленного сектора стало неуклонно сокращаться в связи с развертыванием крупного индустриального строительства.

Ключевые слова: Сибирь, мелкая и кустарная промышленность, промысловая кооперация, Главкустпром, военный коммунизм, нэп

Исследование динамики многоукладной экономики в нэповский период российской истории актуально как для понимания сущности формационного перехода от одного типа общественного устройства к другому, так и анализа влияния механизмов государственной экономической политики и оценки ее эффективности. Именно тогда были апробированы различные формы государственного регулирования мелких частных и кооперативных предприятий, индивидуальной трудовой деятельности, позволившие задействовать предпринимательский потенциал широких слоев городского и сельского населения, занятого в мелком и кустарно-ремесленном производстве.

Разрушение предпринимательского потенциала

До Первой мировой войны на мелкую индустрию приходилась четвертая часть производимой в России промышленной продукции, а в Сибири – более половины. Окраины империи заполнялись широкой номенклатурой кустарных изделий местного происхождения. Многие промыслы играли доминирующую роль в формировании рынка промышленных товаров.

Столыпинские переселенцы. С прибытием переселенцев в Сибирь в ходе столыпинской аграрной реформы стали прогрессировать различные виды кустарных промыслов. Наиболее распространёнными за Уралом являлись кузнечный, сапожный, столярный, пимокатный, портняжный, бондарный, санный, дегтекурный, колесный, овчинно-шубный, кирпичный, ткацкий, экипажно-тележный, сетевязальный, шорный, щепной, кожевенный промыслы.

В зависимости от сырьевой базы формировалась первичная специализация. В Алтайской, южной части Омской и Томской губерний преобладали промыслы по обработке продуктов животного происхождения. Деревообрабатывающие отрасли были широко представлены на севере Томской и Омской губерний. В Восточной Сибири на территории Енисейской и Иркутской губерний, лишенных прямых связей с земледельческими районами, все промыслы были представлены равномерно, выделялись лишь деревообработка и лесохимия, а севернее, в Якутии, – производство меховой обуви. Для основной части крестьянства промысловая деятельность, не выходя за рамки простого товарного производства, служила существенным источником дополнительного дохода. Так, в 1914 г. в Сибири около 28 тыс. крестьянских семей занимались выработкой кустарных изделий, а удельный вес доходов от кустарных промыслов составлял десятую часть бюджета крестьянской семьи¹. Мелкая промышленная индустрия обеспечивала значительную часть потребностей крестьянских хозяйств в орудиях труда и инвентаре, городского и сельского населения – в предметах бытового назначения.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 13. Д. 1538. Л. 3, 4; Государственный архив Новосибирской области (ГАО) Ф.Р-288. Оп. 1. Д. 480. Л. 147.

Грянул гром войны. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война негативно повлияла на кустарно-ремесленное производство, отвлекая мужское население в ряды действующей армии. Гражданская война, нанеся огромные урон крупным заводам, фабрикам и железнодорожному сообщению, в меньшей степени затронула мелкие предприятия, которые тем не менее деградировали из-за отсутствия инвестиций и отрыва мужского населения от мирного труда.

Военные действия затронули и кустарно-ремесленный сектор промышленности, особенно на завершающем этапе Гражданской войны, когда на Сибирь распространилась практика военно-коммунистических методов регулирования. Численность работников, занятых в кустарно-ремесленной промышленности, сократилась в 1,7 раза – со 167,2 тыс. чел. в 1913 г. до 97,5 тыс. чел. в 1920 г. При этом в сельских кустарных промыслах численность занятых упала в 1,6 раза – со 131,6 тыс. чел. до 83,6 тыс. чел., а в городских – в 2,6 раза, с 35,6 тыс. чел. до 13,9 тыс. чел. [Николаев, 2000. С. 26–28].

Во многих городах, по сведениям товарного отдела Сибирского отделения Центросоюза, из-за отсутствия сырья частная кустарная промышленность полностью замерла. В Бийске выработка кож на 13 заводах сократилась в сравнении с мирным временем более чем в три раза². В сельских кустарно-ремесленных промыслах Томской губернии, по данным сельскохозяйственных переписей за 1917–1920 гг., численность занятых сократилась на 31,8%, а по сопоставимым промыслам – на 48,2%³. Именно с этого исходно низкого уровня предстояло начать восстанавливать экономическую жизнь.

Политика военного коммунизма

Потерянный год. 1920 г. был упущен для запуска механизмов нормализации экономической жизни. На Сибирь распространилась планово-принудительная система военного коммунизма, развернулась национализация частной собственности в промышленности. Под каток неприятия частного капитала попали

² Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск, 1999. С. 232–234.

³ Народное хозяйство Томской губернии: Сб. стат. и отчетно-ведомственных материалов за первую половину 1924 г. Томск, 1924. С. 95.

и предприятия кустарей, работавших с помогающими членами семьи, и те промыслы, в которых по технологическим особенностям нельзя было обойтись без учеников и вспомогательного персонала. Несмотря на то, что они трудно поддавались учету, к осени 1920 г. по стране было национализировано 19,9% предприятий с одним наемным работником [Изменение социальной..., 1976. С. 255], в Сибири, по нашим подсчетам, – 7,6% предприятий с одним наемным рабочим и 13,5% – с двумя⁴.

Кустарные мастерские (владельцы которых скрылись по политическим мотивам), не будучи национализированными, автоматически перешли в ведение местных совнархозов, только немногие из них остались в частном владении. Местные совнархозы не успевали принимать все предприятия мелкой промышленности. Некоторые из них были национализированы формально, а фактически вплоть до перехода к нэпу оставались в распоряжении владельцев⁵.

На отвоеванной у частной собственности территории была реализована модель экономической организации военного коммунизма, характеризовавшаяся административным ограничением рыночного пространства и государственной монополизацией системы распределительных отношений. В качестве внерыночных посредников кустарных предприятий выступили государственные регулирующие органы в лице Сибсовнархоза, продовольственных и заготовительных комитетов, жестко подчиненный им заготовительный аппарат потребительской кооперации. Поставки сырья на промышленные предприятия определялись сдачей ими готовой продукции. К осени 1920 г. в Сибири на вольный рынок работали только 2,6% учтенных промышленных предприятий, 6,5% выполняли заказы кооперации, 80,9% – государства [Коновалов, 1995. С. 143].

Для организации производства на мелкой национализированной собственности в конце 1919 г. – начале 1920 г. создавалась громоздкая вертикаль на базе аппаратов ВСНХ и Наркомзема. Новый хозяйственный главк – Главкустпром (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации) и его региональное подразделение – Сибкустпром

⁴ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 // Тр. ЦСУ. 1924. Т. 18. С. 165 (подсчет автора).

⁵ ГАНО.Ф.Р-1359.Оп. 1.Д. 81.Л. 21.

получили широкие полномочия. Основные их функции состояли в регистрации предприятий, обеспечении их сырьем и материалами, сбыте продукции, распределении государственных заказов, осуществлении финансового и производственно-технологического контроля.

Получив в свое распоряжение мощные административные ресурсы, уполномоченный советский главк приступил к вербовке рабочей силы, что было несложно в условиях безработицы. Наиболее приемлемым оказался механизм трудовых мобилизаций и создания кустарно-промысловых артелей, которым гарантировались поставка сырья, сбыт продукции, натуральная оплата труда. Это вынужденное партнерство экономики выживания позволяло обеспечивать спрос на определенную номенклатуру промтоваров, а работникам – прожиточный минимум. В Алтайской губернии в конце 1920 г. членам кустарно-промысловых артелей выдавался месячный паек, включавший 25 фунтов муки, 4 фунта мяса, 2 фунта соли, 2 фунта крупы, по четверти фунта мыла и чаю и 2 коробки спичек. За сверхплановую продукцию производилось премирование в натуральной форме: за 100 лопат – 5 фунтов керосина, за 20 бочек – 4 фунта соли, 30 фунтов муки и 4 коробки спичек⁶. Взаимоотношения между заказчиками и исполнителями колебались в широком диапазоне, вплоть до применения принудительных мер феодальной эпохи. Кустарные и производственные отделы совнархозов в директивном порядке могли перевести членов артелей на положение фабрично-заводских рабочих, заставить работать в необорудованных помещениях, иными способами ущемлять правовой статус своих подопечных⁷.

Решив кардинально вопрос о собственности не только в крупной, но и в значительной мере в мелкой промышленности, новая власть зафиксировала свои юридические права и провела инвентаризацию основных фондов. Но внеэкономические способы регулирования производства, принудительное кооперирование кустарей на основе трудовых мобилизаций, национализация кооперативных предприятий и другие меры не могли решить

⁶ ГАНО.Ф.Р-32. Оп. 1. Д. 891. Л. 2.

⁷ Материалы обследования работы ряда главков ВСНХ аппаратом Главкустпрома в конце 1920 – начале 1921 г.; Сибирское областное бюро ВСНХ. Отчет за 1920 г. Омск, 1921. С. 68.

ключевые вопросы оживления предпринимательской активности населения. Значительное количество промышленных предприятий в Сибири, перейдя в собственность государства, из-за жесточайшей разрухи, отсутствия финансовых средств и сырья продолжало бездействовать. Экономическая и политическая целесообразность дальнейшей национализации мелких предприятий теряла смысл.

Идеология под натиском здравого смысла. Ошибочность политики военного коммунизма в сфере ограничения промышленности, торговли и местного оборота была признана В. И. Лениным на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. [Ленин, 1921. С. 63]. И эти перегибы удалось относительно быстро устранить через принятие пакета новых законов, позволивших вернуть мелкую собственность прежним владельцам. На изменение сознания правящей элиты потребовался более длительный срок. Неприятие мелкой частной собственности в промышленности сохранялось вплоть до середины 1920-х годов. Выступая на XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.) с докладом о промышленности Л. Д. Троцкий назвал кустарей конкурентами, стоящими на одном уровне с частными промышленниками, торговцами и контрабандистами⁸. Выступление Л. Д. Троцкого отражало настроения части хозяйственной элиты, работавшей в структуре органов ВСНХ в военное время, которая считала нэп краткосрочным отступлением и тормозила проведение рыночных реформ. Хотя ряд делегатов съезда выступили против аргументации Л. Д. Троцкого, его речь имела влияние на партийную аудиторию.

Прагматичное крыло правящей элиты, в отличие от идеологов, оторванных от реальных коренных проблем, рассматривало кустарную промышленность как реальный источник пополнения государственного бюджета и снятия напряженности на рынке труда. Важную роль в преодолении негативного отношения к этой сфере сыграл Ф. Д. Дзержинский, обратившийся в июле 1924 г. в Политбюро ЦК РКП(б) с докладной запиской «О перспективах крестьянского движения в связи с ожидающимся неурожаем», в которой прослеживалась четкая взаимосвязь между ограничениями на развитие отхожих кустарных промыслов и ростом безработицы. «Большие налоги на кустарей и штрафы за невыборку

⁸ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 317, 319.

патентов, – говорилось в записке, – лишили бедноту возможности подрабатывать в качестве самостоятельных кустарей-одиночек⁹.

Письмо председателя ВСНХ дало импульс для пересмотра государственной политики. На XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.) Ф. Э. Дзержинский выступил публично с критикой идеологизированных подходов, исходивших от Л. Д. Троцкого: «С легкой руки некоторых товарищей, – говорил он, – если вспомнить XII съезд, наше отношение к мелкой кустарной промышленности очень часто было такое, как к конкурентам, как к врагам <...> Крупная промышленность не может держать в голоде страну из-за ничтожных размеров своих изделий. Это в рабоче-крестьянской стране было бы приговором для крупной промышленности <...> мы должны в нашей работе и планах базироваться на тех кустарях, которые могут в значительной мере восполнить недостачу продукции крупной промышленности»¹⁰.

Мимикрия под рынок

Скрытое сопротивление госаппарата. Противоборство двух линий в экономической политике оставляло люфт для работников государственного аппарата в выборе методов регулирования кустарной промышленности. Не надеясь на сохранение мобилизационных способов управления, Главкустпром решил подстроиться под ветер перемен и 4 января 1922 г. разослал на места телеграмму «О переходе на хозрасчет», в которой информировал подведомственные структуры об отмене системы государственного планового снабжения сырьем и введении коммерческого расчета на основе денежных знаков. В мае 1922 г. в ведомстве было образовано торгово-промышленное управление (Кустпромторг), которое занялось снабжением государственных органов и предприятий кустарными изделиями особой важности и ценности [Моргенштерн, 1923. С. 526]. В августе 1922 г. соответственно изменилась структура Сибкустпрома. Содержательная часть внутриведомственных установок состояла в стремлении научить чиновников торговать, получая прибыль от торгово-посреднических и заготовительных операций¹¹.

⁹ Советская деревня глазами ОГПУ 1923–1929. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 200.

¹⁰ Четырнадцатая конференция РКП(б): Стенографический отчет. М. – Л., 1925. С. 166.

¹¹ ГАНО. Ф.Р-918. Оп. 1. Д.143 Л. 49.

Действия работников аппарата нельзя квалифицировать иначе как мимикрию под новые рыночные условия. Реакция с мест не заставила себя долго ждать. На прошедшем 3–6 сентября 1922 г. собрании уполномоченных Сибартельсоюза приводился факт выделения ссуды в 42 тыс. руб. золотом Союзу производственных кооперативов Алтая (Горный Алтай) в виде неходовых товаров под 5% годовых со сроком уплаты в шесть месяцев. За эту ссуду, «...данную медными пуговицами и прочим утильным имуществом», Сибкустпром выколачивал задолженность из кустпромкооперации ценным сырьем в виде кожи и шерсти¹². В письме, направленном 2 января 1923 г. из тюменского губкустпромсоюза во Всекопромсоюз, сообщалось: «Мы не знаем, для чего здесь Сибкустпром: ни правовой защиты кооперации (а на местах поводы к этому бывают часто), ни материальной, ни технической помощи от него ни на грош <...> здесь у нас одно лишь желание – никаких взаимоотношений с Сибкустпромом, так как подход у него к нашим интересам исключительно коммерческий или лучше сказать торгашеский: как бы поприжать и побольше выиграть»¹³.

Попытки государственных чиновников заняться коммерческой деятельностью окончились полным провалом. Административный произвол и взяточничество оказывали удушающее воздействие на становление самостоятельной системы кустарно-промысловой кооперации.

Многочисленные негативные факты заставили высшие органы государственного управления отказаться от попыток прямого регулирования кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации. В конце 1923 г. по решению местных руководящих органов и с согласия центра Сибкустпром был ликвидирован. Окончательно это решение было закреплено в Постановлении президиума Сибпромбюро ВСНХ, заслушавшего 17 июля 1924 г. отчет ликвидационной комиссии¹⁴. По мнению представительства Наркомвнutorга СССР по Сибири, деятельность Сибкустпрома принесла государству

¹² ГАНО.Ф.Р-3.Оп. 1.Д. 10. Л. 31, 34.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).Ф.А-5449. Оп. 2.Д. 93.Л. 777 об.

¹⁴ ГАНО.Ф.Р-918.Оп.1.Д.672.Л. 7.

значительные убытки, и Сибревком справедливо возбудил против него судебное преследование¹⁵.

Методы прямого государственного регулирования кустарно-ремесленной промышленности деформировали естественно-исторический ход кооперативного строительства. Кустарно-промысловая кооперация в Сибири не получила заметного развития до революции, но ее идеология зрела в недрах потребительских и кредитных союзов. В начале 1920 г. компетентные специалисты кустарно-промысловой секции Сибирского отделения Центросоюза с досоветским стажем работы подготовили тезисы «О кустарях, мелких предприятиях и промысловой кооперации», в которых предложили ограничить полномочия государственных органов регистрацией кустарей и их объединений и созданием благоприятных условий для кооперации в снабжении сырьем, топливом, оборудованием, обеспечении заказами. Мелкие артели и союзы не выше губернского уровня должны были регистрироваться явочным порядком и свободно распоряжаться своей продукцией. Кустарно-промысловая кооперация должна была стать самостоятельной кооперативной системой¹⁶. Эти идеи были реализованы, но только два года спустя.

Удручающий старт. Находясь под прессом Сибкустпрома, промыслово-кооперативное движение в 1921–1923 гг. пришло в полный упадок. Выйдя из системы гарантированного государственного снабжения, кустарно-промысловые артели оказались отрезанными от поставок сырья и материалов, сосредоточенных на государственных складах. Лишившись централизованного сбытоснабженческого обслуживания и натуральной оплаты труда, они стали массово распадаться, а вслед за ними исчезли и промысловые союзы, которые, оставшись без низовой сети, безуспешно пытались заняться побочной хозяйственной деятельностью. Численность кустарно-промысловых артелей сократилась по Сибири с 1053 на декабрь 1921 г. до 70 к концу 1923 г. [Чернышев, 1975. С. 61]. Свертывание промысловой кооперации не было местной сибирской особенностью. Только с января по май 1923 г. количество промысловых артелей и членов промкооперации сократилось по стране вдвое¹⁷.

¹⁵ ГАНО.Ф.Р-1.Оп. 1.Д. 6.Л. 111об.

¹⁶ ГАНО.Ф.Р-1.Оп.1.Д. 729.Л. 91.

¹⁷ Промысловая кооперация СССР. М.-Л., 1934. С 56.

Введение нэпа не вызвало автоматического оживления частного сектора кустарно-ремесленной промышленности. Знаковым событием стало возвращение в 1921 г. 45% из 749 национализированных в прошлом кустарных заведений прежним владельцам – кустарям¹⁸. Но вдохнуть в них жизнь быстро не получилось. Занимая ключевые позиции в городах Сибири в ряде отраслей по производству товаров широкого потребления (обработка твердых материалов животного происхождения – 61,9%, пеньки – 15,0, производство предметов одежды и туалета и продуктов питания – 14,0%), мелкотоварный сектор в промышленности демонстрировал низкую производительность. По данным на декабрь 1922 г. его удельный вес по численности занятого персонала составлял 11%, а производимой валовой продукции – только 5,3%¹⁹. Невысокая эффективность мелкой частной промышленности была вызвана, главным образом, дискриминацией в доступе к сырью и материалам, оставшимся в распоряжении госорганов.

Не лучшим образом обстояли дела и в деревне. Общий кризис аграрной сферы из-за засухи и неурожая негативно отразился и на сельских кустарных промыслах. По данным бюджетных обследований, скорректированных материалами текущей сельскохозяйственной статистики, в 1923 г. в Томской губернии доходы крестьян от второстепенных занятий вне сельского хозяйства составляли пятую часть. В их составе кустарные промыслы занимали только 4,8%, 15,2% несельскохозяйственных доходов формировались за счет присвоения природных ресурсов²⁰. Охота, рыболовство, заготовка дров, грибов, ягод служили не столько источником дохода для крестьянства, сколько средством выживания. Крестьянский бюджет в начале 1920-х годов в условиях кризиса существенно изменился в сравнении с довоенным временем, когда в ряде районов Томской и Алтайской губерний доходы от промыслов в крестьянских хозяйствах также составляли пятую часть, и половина из них формировалась за счет кустарных промыслов²¹.

¹⁸Сибревком: Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 141, 204.

¹⁹ Всесоюзная городская перепись 1923 г.: Итоги промышленной переписи. Тр. ЦСУ. Т. XXVII. Вып. 1. С. 4–5, 214–215, 224, 233, 242, 269. (Подсчет автора).

²⁰ Народное хозяйство Томской губернии: Сб. стат. и отчет.-ведомств. материалов за первую половину 1924 г. Томск, 1924. С. 13.

²¹ ГАНО.Ф.Р-288.Оп. 1.Д. 480.Л. 147.

Оценивая роль мелкой частной промышленности в начале нэпа необходимо учитывать, что часть ее после легализации предпринимательской деятельности ушла в теневой оборот из-за несовершенства налоговой системы и неукomплектованности налоговой службы квалифицированными работниками. Во второй половине 1922 г. частный капитал начал усиленный поиск сфер приложения, в которых можно было бесконтрольно распоряжаться рабочей силой и уклоняться от уплаты налогов. Вследствие этого широкое распространение получило «квартирничество» – раздача заказов кустарям на дом с организацией фиктивных артелей [Белкин, 1927. С. 219, 220]. Организацию различных форм нелегального частного предпринимательства в кустарной промышленности облегчала безработица.

К уходу с легального поля мелких частных промышленников подталкивали завышенные налоговые ставки в сравнении с предпринимателями в сфере торговли и услуг. Погубернские итоги за 1922/23 г. показали, что в Новониколаевской и Енисейской губерниях торговцы и владельцы различных заведений по оказанию услуг успешно скрывали свои доходы, а кустарей и ремесленников, владельцев строений облагали чрезмерными налогами. В результате участились случаи неуплаты налогов, продажи имущества неплательщиков налогов с торгов. Чрезмерное обложение кустарей и ремесленников имело место в Томской, Омской и Алтайской губерниях. Только в Иркутской губернии налоговые органы объективно определили пропорциональность различных групп в частной промышленности и максимально собрали налоги. В результате «налоговой партизанщины», по меткому выражению В. Каврайского, «...частный торговый и промышленный капитал, попадая исключительно в льготные условия развития, расцветает пышным цветом, ускользая весьма в значительной степени не только от уплаты прогрессивного подоходно-поимущественного налога, но и от сколько-нибудь серьезного уравнительного сбора» [Каврайский, 1924. С. 9, 15, 19].

Выход на траекторию роста. Оживление деловой активности в кустарно-ремесленной промышленности началось только в 1923 г., о чем свидетельствовала статистика выбора патентов (разрешений на занятия кустарными промыслами) в финансовых отделах исполнительных органов власти. В городах Сибири только за первый квартал 1923 г. было выдано 13014 патентов

на ведение промышленной деятельности, из которых 92,1% приобрели частные лица, а 7,9% – государственные и кооперативные организации. Для дифференцированного подхода к изъятию промыслового налога, состоящего из выборки патента и уплаты уравнительного сбора, было установлено 12 разрядов промышленных предприятий (в зависимости от численности занятых лиц). Предприятия с механическим двигателем ставились на разряд выше. Из 11981 патентов, приобретенных частными лицами, основную часть (11272) приобрели владельцы предприятий 1–3-го разрядов, на которых было занято менее трех рабочих. В основном это были кустари-одиночки или предприятия, основанные на семейной кооперации труда [Добров, 1924. С. 47, 48].

Опираясь на данные Всесоюзной переписи городского населения 1923 г., можно утверждать, что подавляющая часть занятых кустарными промыслами в городах легализовала свой бизнес. Выявленная их численность составила 12910 чел., что примерно корреспондировалось со статистикой выборки патентов. Перепись подтвердила как численность занятых в кустарно-ремесленной промышленности работников, так и их социальный состав. Выявленная разбивка по социальным категориям косвенно свидетельствовала о низком материальном достатке кустарей. Основным контингентом были кустари-одиночки, а также работающие с помогающими членами семьи. Хозяев с наемными рабочими зафиксировано всего 545 чел., хозяев с членами семьи или товарищества – 1827 чел., членов семьи, помогающих главе в занятии – 1342 чел., кустарей-одинок²² – 9196.

Столкнувшись с проблемой низкого качества государственного управления при наличии острых проблем трудовой занятости и дефицитности внутреннего рынка товаров повседневного спроса, центральное правительство быстро извлекло необходимые уроки и приняло важные решения о системном статистическом мониторинге состояния кустарной промышленности и создании благоприятного налогового климата для кустарей.

В 1925 г. было проведено Всесоюзное обследование мелкой промышленности, а в 1929 г. – Всесоюзная перепись мелкой

²² Итоги Всесоюзной переписи городского населения 1923 г. // Труды ЦСУ. Т. XX. Ч. II. Вып. 3. М., 1925. С. 213–215.

промышленности²³. Переписью 1929 г. были определены размеры мелкого производства, его отраслевая структура, социальный состав кустарей и ремесленников, влияние частного капитала, степень кооперированности промыслов, места их особой концентрации – «гнезда». В дальнейшем в рамках долгосрочного планирования прорабатывались контрольные цифры развития кустарной промышленности вплоть до 1941 г.

Существенные коррективы оперативно были внесены в налоговую систему. В соответствии с постановлениями ЦИК и СНК СССР от 10 апреля и 12 мая 1925 г. кустари и ремесленники приравнивались к членам промысловой кооперации и освобождались от ряда налогов. Городским кустарям и ремесленникам, выбиравшим патент на личные промысловые занятия, вменялась в обязанность уплата только подоходного налога, и они освобождались от уравнительного сбора, который исчислялся с суммы хозяйственного оборота и распространялся на мелкие предприятия с механическим двигателем и наемной рабочей силой. От уравнительного сбора освобождалась и часть мелких предприятий с численностью наемного персонала до трех человек. Льготы предоставлялись также кустарям и ремесленникам, имевшим учеников и использовавшим в промысле помогающих членов семьи. Первые два ученика при налогообложении не учитывались вообще, а каждые двое сверх них принимались за одного наемного работника. Сельские кустари и ремесленники, совмещавшие занятие промыслом с ведением сельского хозяйства и уплачивающие единый сельскохозяйственный налог, освобождались от промыслового и подоходно-поимущественного налога. От уплаты подоходного налога освобождались также члены семей кустарей и ремесленников, помогающие главе в промысле²⁴.

Кустарно-промысловое сообщество оперативно откликнулось на изменения в налоговой системе. К осени 1925 г. в местных налоговых органах появились многочисленные ходатайства кустарей и ремесленников с просьбой о пересмотре налоговых ставок и возврате излишне уплаченных сумм. Согласно

²³ Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г. Вып.1. М. 1933.; Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г. Вып. 2. Мелкая гнездовая промышленность. М.-Л., 1932.

²⁴Вестник промысловой кооперации. 1925. № 5. С.7.

постановлению Новониколаевского губфинотдела от 9 сентября 1925 г. были рассмотрены и удовлетворены заявления 53 кустарей и ремесленников г. Колывани и Новониколаевского уезда о предоставлении льгот и возврате части патентного сбора. В именном списке кустарей и ремесленников Каменского и Новониколаевского округов от 16 октября, подавших заявление в налоговые органы, значилось 719 чел. Их ходатайства были удовлетворены. Причем налоговые льготы реально предоставлялись не только кустарям-одиночкам, но и владельцам промышленных предприятий первого разряда. В г. Новониколаевске в августе 1925 г. их получили фотограф А. С. Панышин, кузнец П. Н. Вершинин, владельцы сушилки Федор и Николай Глухонины, 23 легковых извозчика, чуть позже – кооперативная артель «Сибиряк» и владелец табачно-махорочной фабрики Н. Ф. Чекмарев с сыном и пятью членами семьи²⁵.

Статистические материалы отразили впечатляющие темпы развития. За 1924/25–1926/27 гг. численность кустарей и ремесленников в городах Сибири без учета мукомолья, рыболовства и горно-заводской отрасли возросла с 17,5 до 33,1 тыс. чел., или в 1,9 раза, а валовой оборот продукции – с 18,5 до 53,5 млн черв. руб., или в 2,9 раза²⁶. Усилились позиции ведущих отраслей мелкой и кустарной промышленности: выросло производство одежды и предметов туалета, продуктов питания, кожевенно- меховых изделий. Наметился быстрый прогресс менее значимых, но в перспективе важных для удовлетворения нужд экономики и населения отраслей – обработки минералов и дерева, текстильной промышленности. Прогрессировала сельская мелкая промышленность. По данным А. А. Рыбникова, поступления от кустарных промыслов и заработков в совокупных доходах крестьянства в Сибири в середине 1920-х годов составили 9,4% [Рыбников, 1926. С. 86]. Данные бюджетного обследования 1925/26 г., охватившего 826 крестьянских хозяйств, показали рост удельного веса доходов от промыслов и заработков до 10,8%²⁷. Все это свидетельствовало о том, что в 1926 г. уровень доходности крестьянских хозяйств

²⁵ ГАНО. Ф.Р-1190. Оп.1. Д. 317. Л.7, 8, 12, 168, 175, 196, 253–264.

²⁶ Мелкая и кустарная промышленность СССР в 1925 г. // Тр. ЦСУ. 1928. Т. 23. Вып.2. С. 252–281, 356–371; Мелкая и ремесленная промышленность Сибирского края. Новосибирск, 1929. С. 108–115, 116–125. Здесь и далее по тексту расчеты автора.

²⁷ Бюджеты крестьян Сибирского края в 1925/26 г. Новосибирск, 1930. С. XIII.

от кустарных промыслов стал таким же, как и до Первой мировой войны.

Интегрированные показатели роста нашли отражение в периодических изданиях [Журавлев, 1929. С. 87; Скворцов, 1927. С. 87; Фрилянд, 1930. С. 71]. В 1926–1927 гг. мелкие кустарные предприятия в Сибири производили более половины валовой промышленной продукции и перерабатывали две трети сельскохозяйственного и треть промышленного сырья. Завершение восстановительного периода ознаменовало, таким образом, пик в развитии кустарно-ремесленного сектора. В дальнейшем, несмотря на абсолютный рост, его роль стала неуклонно снижаться в связи с развертыванием крупного индустриального строительства.

Материалы Всесоюзной переписи мелкой промышленности 1929 г. показали, что удельный вес кустарно-ремесленной промышленности в производстве валовой продукции Сибири снизился с 50% в середине 1920-х годов до 38,7%. Отчетливо выявилась специализация Сибирского региона, обусловленная имеющейся сырьевой базой. Удельный вес мелкой промышленности Сибирского края в общесоюзном мелкопромышленном производстве составлял 4,7%, но по ряду отраслей он был существенно выше, так, на нее приходилось 13,8% производства канатов и веревок, 7,3% валяной обуви, 8,5% продукции лесохимии. Богатейшие запасы леса и традиционность занятия крестьянства дегтекурением и смолокурением определяли высокий удельный вес этих отраслей в общесоюзном производстве дегтя, пихтового масла, скипидара и т.д. В лесохимических промыслах Сибири было занято более 1000 чел., что составляло 12,2% от всех занятых по СССР²⁸. Большое развитие получили деревообработка, обозостроение, кожевенно-меховая, текстильная, швейно-трикотажная отрасли.

Выделились и специализированные гнезда кустарной промышленности. В Сибири в них работали 8806 чел., а с учетом мелких гнезд (не менее 25 чел. в одном селении) – 10051 чел. Наиболее значимыми округами с гнездовым расположением кустарных промыслов были Бийский (тележно-санное, лесохимическое

²⁸Рассчитано по данным: Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г. Производственное и социально-экономическое строение мелкой промышленности М.-Л., 1933. Вып.1. С. 51, 63, 112, 114.

и валяльно-войлочное производства), Томский (деревообработка, крахмально-паточное производство) и Барнаульский (валяная обувь). В Восточной Сибири резко выделялся Иркутский округ, где были расположены гнезда по производству лодок и мелких судов²⁹.

Мелкая промышленность, развивавшаяся в отраслях по производству товаров народного потребления и продовольствия, не конкурировала с крупной и ослабляла товарный голод. Особое место в государственных программах отводилось кооперированию мелкой и кустарно-ремесленной промышленности, созданию артелей с общей мастерской и вытеснению частного капитала.

Таким образом, советская власть, унаследовав от предыдущей эпохи отсталую экономику, сумела в целом прагматически использовать потенциал кустарно-ремесленного сектора для организации переработки сельскохозяйственного сырья и производства товаров народного потребления. Осознав бесперспективность тотальной национализации промышленности, проведенной в 1920 г., власти с помощью налогового регулирования частных и кооперативных мелких предприятий, включая мелкий семейный бизнес и кустарей одиночек, смогли создать благоприятный климат для развертывания предпринимательской деятельности, что объективно подтверждается данными статистического учета. Кустарно-ремесленная промышленность в этом контексте становилась наряду с сельским хозяйством одним из источников внутренних накоплений, требуемых для проведения промышленной модернизации.

Литература

Белкин Г. Формы частной промышленности // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР. М. – Л., 1927.

Белостецкий В. Правовое положение частного капитала // Частный капитал в народном хозяйстве СССР: Материалы комиссии ВСНХ СССР. М. – Л., 1927.

Добров М. Торговля и промышленность Сибири в 1922/23 бюджетном году. (Материалы по данным Сибфина о промысловом обложении) // Жизнь Сибири. 1924. № 3–4.

Журавлев И. Состояние кустарной промышленности и задачи промкооперации Сибкрая // Жизнь Сибири. 1929. № 1.

²⁹ Рассчитано по данным: Мелкая промышленность СССР по данным Всесоюзной переписи 1929 г. Вып. 3: Гнезда мелкой промышленности. М.-Л., 1932.С. VI, VII, 420426.

Изменение социальной структуры советского общества (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1976.

Каврайский В. Налоговое обложение частного капитала в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 5–6.

Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Новосибирск, 1995.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. М., 1963

Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2000.

Моргенштерн В. Кустарная промышленность и промысловая кооперация // Народное хозяйство России за 1921/22 г. М. 1923.

Рыбников А. А. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства // Вестник промысловой кооперации. 1926. № 5.

Скворцов Л. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Сибири в контрольных цифрах // Жизнь Сибири. 1927. № 9–10.

Фрилянд С. Кустарно-ремесленная промышленность Сибирского края // Северная Азия. 1930. № 5–6.

Чернышев М. Л. Начало социалистического преобразования кустарно-ремесленной промышленности Сибири (1920–1927 гг.) // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1975.

Статья поступила 10.07.2018.

Summary

Nikolaev A. A. Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

«Not Bred Alone»: the Role of Handicrafts in the Recovery of the Economy of the 1920-ies

The article reveals the negative consequences of the First world war and the Civil war on the state of small and artisanal industry in Siberia, assesses its role in the economic recovery in the NEP period. It is proved that the methods of direct state regulation of small private and cooperative industry did not contribute to the awakening of business activity and deformed the historical course of cooperative construction. The nationalization of small enterprises aimed at the elimination of private property, was not accompanied by an increase in the efficiency of its use. The development and implementation of a pragmatic course on the use of artisanal industry in the saturation of the commodity market was hampered by the rudiments of ideology and methods of military communism management. With regard to the handicraft industry and trade cooperation, they remained until 1924. Only after the introduction of a favorable tax climate in early 1925 and the establishment of an adequate system of management, it was possible to achieve a high socio-economic effect, in a timely manner to ensure a sharp increase in the production of goods and the level of employment of the population. In 1926/27 small and artisanal industries in Siberia began to produce more than half of the gross industrial output and to process two-thirds of agricultural and one-third of industrial raw materials. The end of the recovery period was thus a peak in the development of handicraft sector. In

the future, despite the absolute growth, its importance began to decline steadily due to the deployment of a large industrial structure.

Siberia; small-scale and artisanal industry; trade cooperation; General Directorate of handicraft industry; war communism; NEP

References

Belkin G. (1927) Formy chastnoj promyshlennosti. Chastnyj kapital v narodnomhozyajstve SSSR: Materialy komissii VSNH SSSR. Moscow-L. Publ. (In Russ.)

Belostetskij V. (1927). Pravovoe polozhenie chastnogo kapitala. Chastnyj kapital v narodnom hozyajstve SSSR: Materialy komissii VSNH SSSR. Moscow- L. Publ. (In Russ.)

Dobrov M. (1924) Torgovlya i promyshlennost' Sibiri v 1922/23 byudzhetnom godu. (Materialy po dannym Sibfina o promyslovom oblozhenii). *Zhizn' Sibiri [Life in Siberia]*. No. 3–4. (In Russ.)

Zhuravlev I. (1929) Sostoyanie kustarnoj promyshlennosti i zadachi promkooperacii Sibkraya. *Zhizn' Sibiri [Life in Siberia]*. No. 1. (In Russ.)

Izmenenie social'noj struktury sovetskogo obshchestva (oktyabr' 1917–1920 gg.) (1976). Moscow Publ. (In Russ.)

Kavrajskij V. (1924) Nalogovoe oblozhenie chastnogo kapitala v Sibiri. *Zhizn' Sibiri [Life of Siberia]*. No. 5–6. (In Russ.)

Konovarov V.V. (1995) Melkie promyshlenniki Sibiri I bol'shevistskaya diktatura. Novosibirsk. (In Russ.)

Lenin V.I. (1963) Poln. sobr. soch. Voi. 43. P. 63. (In Russ.)

Nikolaev A. A. (2000) Melkaya promyshlennost' I kustarnye promysly Sibiri v sovetskoj kooperativnoj sisteme (1920 – seredina 1930-h gg.). Novosibirsk: SO RAN Publ. (In Russ.)

Morgenshtern V. (1923) Kustarnaya promyshlennost' I promyslovaya kooperaciya. *NarodnoehozyajstvoRossiiza 1921/22 g. [The National economy of Russia in 1921/22]*. Moscow. (In Russ.)

Rybnikov A.A. (1926) Ocherki organizacii sel'skogo kustarno-remeslennogo hozyajstva. *Vestnik promyslovoj kooperacii [Herald of trade cooperation]*. No. 5. (In Russ.)

Skvorcov L. (1927) Melkaya I kustarno-remeslennaya promyshlennost' Sibiri v kontrol'nyh cifrah. *Zhizn' Sibiri [Life of Siberia]*. No. 9–10. (In Russ.)

Frilyand S. (1930) Kustarno-remeslennaya promyshlennost' Sibir'skogo kraja *Severnaya Aziya*. No. 5–6. (In Russ.)

Chernyshev M.L. (1975) Nachalo socialisticheskogo preobrazovaniya kustarno-remeslennoj promyshlennosti Sibiri (1920–1927 gg). *Rabochij klass Sibiri v period stroitel'stva socializma [Working class of Siberia in the period of socialist construction]*. Novosibirsk. (In Russ.)